

Юэ Инъян чувствовал, что вот-вот рухнет, поэтому ухватился за низкий столик у кровати. Раздался глухой стук — он задел таз с водой, на краю которого лежало полотенце.

В соседней комнате вспыхнул свет, послышались быстрые шаги.

В проёме, где колыхалась занавеска, показался тусклый свет, и вошедшая фигура заколебалась, казалось, даже сильнее, чем сам Юэ Инъян, едва державшийся на ногах.

— Господин, вы проснулись! Почему встали? Вам что-то нужно? — руки Хун Яо, придерживавшие его за плечи, оказались удивительно крепкими.

— Я... я в порядке, — пробормотал он. Неужели это Хун Яо передела его? — На мне... эта одежда? — Юэ Инъян задал вопрос, с трудом сдерживая дрожь.

— Я заметила, что ваш прежний халат цвета морской волны совсем износился, вот и сшила новый, ориентируясь на старый. Он вам не впору? Или, может, слишком тонкий? Вам холодно? — Хун Яо подняла на него взгляд, полный неподдельного беспокойства.

Раз одежду сшила Хун Яо, значит, и переодевала она... Юэ Инъян снова пошатнулся, и Хун Яо поспешила перекинуть его руку себе через плечо, помогая устоять, а затем осторожно усадила на край кровати.

Когда Юэ Инъян пришёл в себя, он обнаружил, что не сводит глаз с шеи Хун Яо. Взгляд его был настолько пристальным и мрачным, что он сам ужаснулся: он ведь всерьёз обдумывал, не убить ли её!

Только ради того, чтобы сохранить остатки своего растоптанного достоинства и личности. Он ни на миг не усомнился, обдумывая, как коротка дистанция между ними — между ним и женщиной, которой он обещал подарить счастье, когда забирал с собой!

— Ха-ха... ха-ха... ха-ха! — Юэ Инъян разразился неконтролируемым хохотом. Раз уж всё свершилось, что он пытается отрицать? Неужели он думает, что убийство Хун Яо сотрёт то, чего он так стыдится? Он просто трус, пытающийся сбежать от реальности. Пусть всё раскрылось — теперь он может жить, как собака, и ему больше не нужно притворяться человеком перед другими!

Он не боялся быть собакой. Он боялся лишь того, что, перестав быть человеком, он всё равно обязан вести себя как человек и убеждать всех вокруг, что он вовсе не пёс.

— Господин? — тихо спросила Хун Яо, даже не подозревая, что только что находилась на волосок от смерти.

— Уходи, — оборвал смех Юэ Инъян, и в его голосе снова зазвучала лишь усталость. Он больше

не хотел знать, кто его переодевал — какой в этом смысл? Убить он не мог, а покончить с собой — и подавно. Если бы это было возможно, он бы уже тысячи раз попытался!

— Господин, вам плохо? Может, позвать евнуха Ли? И ещё императорские лекари — они все эти дни дежурили в поместье, — глаза Хун Яо покраснели. Только что он так горько смеялся — вроде бы смех, но в нём столько боли и отчаяния.

— Евнух Ли? — Юэ Инъян схватил её за запястье и поднял голову. Выражение его лица было безумным.

— Да, евнух Ли Цюаньшунь. Когда вы не просыпались четыре дня, император на второй же день приказал ему оставаться здесь, пока вы не придёте в себя. И лекари тоже все дни не отходили от вашей кровати. А сейчас, видя, что вам стало лучше, они отошли в гостиную, — выпалила Хун Яо, то и дело поглядывая на дверь в надежде, что кто-нибудь войдёт и спасёт её от этого разговора.

— Позови евнуха Ли, — Юэ Инъян разжал пальцы и бессильно повалился обратно на кровать.

— Генерал Юэ, слава богам, вы очнулись! Император очень беспокоился о вас, — Ли Цюаньшунь едва вошёл в комнату, как тут же увидел Юэ Инъяна, который лежал на кровати с отсутствующим видом, теребя край своего халата. Человек проницательный, он сразу понял, что терзает генерала. Ли Цюаньшунь поспешно добавил:

— Одежду вам сменил я, а лечили вас те самые доктора из дворца, что прислуживают самому Императору. Не извольте беспокоиться, генерал, только берегите своё здоровье. Я знаю, что делать — я обеспечу вашу безопасность, такова воля Императора, — он помог Юэ Инъяну улечься, подоткнул одеяло и почтительно замер рядом.

— Как только вы слегли, Император издал указ: поскольку выяснилось, что вы задержались, помогая строительству на границе, ваш пост за вами сохранён. Ждём лишь вашего выздоровления, чтобы вы могли прийти ко двору и поблагодарить Его Величество, — продолжал вещать Ли Цюаньшунь. Юэ Инъян молчал, безжизненно глядя в потолок, а когда услышал о восстановлении в должности, даже закрыл глаза.

Ли Цюаньшунь понял, что генерал больше не желает его слушать, и молча удалился. Прослужив Императору пятнадцать лет и семь лет общаясь с Юэ Инъяном, он знал: эти двое — заклятые враги. Если бы такая страсть, какую Император питал к генералу, была направлена на какую-нибудь наложницу, все бы завидовали, или если бы генерал был женщиной... Увы, оба были горды и упрямы, а Император вёл себя с генералом как капризный ребёнок, в итоге они оба были изранены. В те дни, когда генерал был без сознания, Император во дворце осунулся, но из-за правил не мог покинуть покои, иначе давно разнёс бы всё поместье генерала.

Впрочем, только рядом с Юэ Инъяном Император вёл себя как дитя, а со всеми остальными... лучше и не вспоминать.

\*\*\*

Раз Император велел Юэ Инъяну поправлять здоровье дома, прежде чем приходить с благодарностью, Юэ Инъян не стал спорить. Пустяковое недомогание, вызванное расстройством желудка и переутомлением, растянулось на полмесяца, прежде чем он снова начал посещать утренние аудиенции.

Всё это время Император во дворце едва не сносил крышу от нетерпения, то обзывая Юэ Инъяна собакой, то проклиная его последними словами, которые выучил ещё в детстве на городских улицах.

Ли Цюаньшунь только робко поддакивал, всё чаще наведываясь в поместье генерала, но каждый раз получал отказ: то «тело ещё ломит», то «желудок расстроен, работать не могу». И поторопить было нельзя, и не спрашивать нельзя — евнух оказывался меж двух огней.

Когда Юэ Инъян наконец начал ходить на службу, их вражда вспыхнула с новой силой. Император на каждой аудиенции находил способ подколоть генерала, пока другие сановники докладывали о делах. Юэ Инъян либо игнорировал это, либо отвечал с ядовитой любезностью, вставляя в свои речи острые, как кинжалы, выпады, доводя Императора до багрового лица.

Видя напряжение между ними, другие чиновники боялись и слова проронить, стараясь докладывать как можно короче, чтобы не попасть под горячую руку. В душе они восхищались Юэ Инъяном: нынешний монарх, взошедший на трон в семнадцать лет и правивший уже три года, был невероятно своенравен, и никто, кроме Юэ Инъяна, не осмеливался так открыто противостоять ему в тронном зале.

Но Юэ Инъян знал, что причина его поведения не в капризах Императора или долге перед страной. С того самого дня, как он заподозрил, что Хун Яо его переодевала, его терзала тревога: в мире нет тайны, которую можно вечно скрывать под покровом ночи. Рано или поздно всё выйдет наружу.

Император не боялся сплетен — у прошлого монарха тоже были фавориты-мужчины. Но сам Юэ Инъян не мог себе этого позволить!

Он был полководцем, ведущим войска, а не нежным мужчиной, торгующим своей красотой! К тому же, то, как Император обращался с ним... это нельзя было назвать отношениями с налогоплательщиком. Когда придёт время, Император стряхнёт с себя всё одним движением рукава, оставаясь великим правителем, а Юэ Инъян окажется опозоренным на всю жизнь, и люди будут указывать на него пальцем, ставя под сомнение все его заслуги: чего они стоят — доблести на поле боя или милостей на ложе?

Хотя под властью Императора он мог смириться с ролью собаки, но, стоя во главе войск, он обязан был оставаться мужчиной! Мужчиной, способным в одиночку остановить тысячи воинов, твердым, как скала! Военные походы были для него не инструментом побега от Императора, а способом доказать самому себе свою значимость. Солдаты под его началом

были не пешками, а его опорой!

Юэ Инъян был в смятении: чем больше он хотел сбежать, тем сильнее раздражался. Он был бессилен...

После утренней аудиенции Юэ Инъян только переступил порог поместья, как к нему прибежал слуга его отца: старые родители просили его приехать. Усталый после перепалки с Императором, мечтавший лишь о том, чтобы не притворяться сильным, Юэ Инъян был вынужден собрать последние силы и отправиться в дом отца, расположенный через три улицы.

— Инъян, ты уже не мальчик, не пора ли устроить свою жизнь? — без обиняков начал отец, как только увидел сына.

— ... — Юэ Инъян онемел, не ожидая, что родители вызовут его ради этого.

— Ты знаешь, что ты наш единственный сын. Мы стареем, и теперь, когда ты добился успеха, мы мечтаем лишь о том, чтобы понянчить внуков. Раньше ты ссылался на мужской долг перед страной, отказываясь от браков, но ведь ты сам привез эту Хун Яо! Теперь-то тебе нечего сказать! — отец решил: раз сын не любит девушек из знатных семей, пусть будет так, как он хочет.

— Верно, сынок. Мы видели эту Хун Яо: пусть происхождение её неизвестно, но она покладистая. В те дни, когда ты болел, она так хорошо за тобой ухаживала, что я, твоя мать, прониклась к ней симпатией, — мать расплылась в улыбке, вспоминая почтительность Хун Яо.

— Отец, мать... — когда он забирал Хун Яо с собой, он думал о том, чтобы дать ей имя, но сейчас... сейчас он не был уверен, что сможет принять женщину, даже если это Хун Яо.

Каждый близкий человек рядом увеличивал риск разоблачения. Сейчас он ещё мог найти оправдания, чтобы отстраниться от неё, но после свадьбы? Как он сможет обнимать свою жену, имея на теле следы любовных утех?

— Решено, свадьбе быть. Поскольку она из простых, возмёшь её наложницей! В доме в последнее время слишком много мрака, самое время разбавить его радостным событием! — отец проигнорировал смущение сына и принял решение.

\*\*\*

Весть о предстоящем бракосочетании в клане Юэ мгновенно разлетелась по городу. Вэйчэн забурлил, а многие девушки залились горькими слезами.

Юэ Инъян славился военными подвигами, был статен, почтителен к родителям и пользовался доверием Императора... С тех пор как он стал взрослым, в дом генерала приходило столько

сватов, что порог истёрся, но никто из знатных особ ему не приглянулся. И теперь, когда он решил взять наложницу, ею оказалась безродная девица с севера.

Люди начали придумывать небылицы, наделяя этот брак сомнительными красками.

— Поздравляю вас, генерал Юэ. Послезавтра ваш счастливый день, верно?

— Благодарю, благодарю.

— Говорят, невеста — писаная красавица. Видимо, обычные цветы не могли привлечь взор нашего генерала.

— Обязательно приду на свадьбу, надеюсь, вы покажете нам свою избранницу, ха-ха!

Как только закончилась утренняя аудиенция, толпа окружила Юэ Инъяна, осыпая его пожеланиями долголетия и вечной любви. Поначалу он пытался отвечать вежливо и закончить разговор, но людей становилось всё больше, и вскоре он мог лишь стоять с приклеенной дежурной улыбкой, горько усмехаясь про себя.

Надеюсь, хуже уже не будет.

Но, очевидно, всё пошло не по плану. Человек, стоящий в тени за колоннами зала, с такой силой сжал кулаки, что готов был броситься вперёд и повалить Юэ Инъяна на пол, чтобы взять его прямо здесь, на глазах у всех!

— Император... — Ли Цюаньшунь дрожал, стоя рядом. Он служил Его Величеству пятнадцать лет, но впервые видел его таким разъярённым — глаза Императора позеленели от гнева. Даже когда произошла та история с наложницей Цин, он не был так взбешён... Генерал Юэ, на этот раз я правда не смогу вам помочь, молитесь о собственной безопасности! Когда Император с хрустом раздавил нефритовое кольцо на пальце, у Ли Цюаньшуня не хватило духу сказать хоть слово.

— Отправляемся во дворец! — Император взмахнул рукавом и зашагал прочь, оставив Юэ Инъяна стоять под палящим солнцем в толпе.

Хорош Юэ Инъян! Посмел у него за спиной нацепить ему такие рога! Неужели он не знает, кто он такой? Его человек, даже если он его когда-нибудь выбросит, не имеет права ложиться в постель к другим! Хочет жениться? Не так быстро!

— Генерал Юэ, Император вызывает вас, следуйте за мной, — на следующий день после аудиенции Ли Цюаньшунь втайне отвлёк Юэ Инъяна.

— Ведите, евнух Ли, — Юэ Инъян постарался взять себя в руки. Он знал, что Император не может не знать о свадьбе, но как он отреагирует? Упрекнёт, что не попросил позволения, или поздравит, вновь заявив права на него?

Он лишь не ожидал, что Император будет настолько взбешён.

Когда его привели в Зал Чаоян, где он никогда не бывал — в личные покои Сына Неба — и с размаху швырнули на настоящую императорскую кровать, Юэ Инъян даже не мог помыслить, что с ним поступят так грубо.

Что ж, ребёнок всегда не выносит, когда у него отнимают игрушку. Должно быть, именно поэтому на опустившемся над ним лице Императора он увидел нечто, похожее на «печаль». Несмотря на недовольство его жестокостью, Юэ Инъян, когда их лица оказались совсем близко, нерешительно поднял руку и обвил напряжённую шею Императора.

Изначально он собирался обойтись с этим неблагодарным Юэ Инъяном ещё более жестоко, но не смог. Всё из-за того, что тот, чёрт его подери, положил свою «свиную ножку» ему на плечо, даже не сжимая её, не говоря уже о том, чтобы поцеловать.

Но когда рука этого проклятого Юэ Инъяна коснулась его, он взглянул на него с таким мирным выражением, какого он раньше никогда не видел, а другая «лапа» полупринуждённо сжала отвороты его императорского халата... Гнев в его сердце чудом исчез, оставив лишь щемящее чувство.

Поэтому теперь он сидел на краю кровати, глядя на спящего Юэ Инъяна, который мирно посапывал, и был готов волосы на себе рвать от досады!

— Император, время позднее, не позволите ли разбудить генерала, чтобы вы смогли отдохнуть?  
— Ли Цюаньшунь был единственным, кому разрешалось присутствовать здесь, поэтому ему и приходилось ступать по этому минному полю. Императорское ложе! Даже императрица Восточного дворца не могла легко на нём заснуть, а тут генерал, который так разозлил Императора, что того даже вытеснили с собственной кровати, а сам он спит без задних ног!

На него бросили косой взгляд... Император жестом приказал следовать за ним и вышел в прихожую, оставив Юэ Инъяна спать.

\*\*\*

— Сяо Шуньцзы, как ты думаешь, я хорошо отношусь к генералу Юэ? — спросил Император, дойдя до двери.

— Император к генералу Юэ... очень... хорошо... — Ли Цюаньшунь вздрогнул. Какой сложный вопрос.

— Я тоже считаю, что хорошо... Но почему я так хорошо к нему отношусь? — ответ он в глубине души знал, но хотел, чтобы кто-то другой его опроверг. Чувства к Юэ Инъяну — это совсем не то, что он хотел бы испытывать.

— Император... — даже Ли Цюаньшунь, читавший мысли монарха как открытую книгу, не нашёл что ответить.

— Отвечай мне! — Сяо Шуньцзы, видевший их отношения от начала до конца, был единственным, кто имел право ответить. Он сам мог чего-то не понимать, Юэ Инъян мог не осознавать, но сторонний наблюдатель видел всё яснее.

— Император... любит генерала Юэ, — собравшись с духом, Ли Цюаньшунь произнёс слова, которые могли стоить ему головы.

— ...Любит... — такое странное слово. Семь лет назад он, кажется, уже испытывал нечто подобное, и чем всё закончилось?

Трагедией! Вот наказание за такие чувства!

— Император, вы совсем не любите генерала Юэ! Это я наговорил лишнего, накажите меня! — увидев ошеломлённый взгляд монарха, Ли Цюаньшунь понял, что даже если Император приказывал, говорить правду не стоило! Он принялся бить себя по щекам.

— Сяо Шуньцзы, довольно, я не виню тебя. Это я заставил тебя говорить.

— Император. — Он всегда утешал Юэ Инъяна тем, что Император ещё ребёнок, но он ошибся! Император вырос, став сильным втайне от всех. Глядя на монарха, печально взирающего на игру теней деревьев во дворе, Ли Цюаньшунь едва не заплакал. Императорские чувства всегда приносят страдания, а Его Величество... он и так перенёс их немало, но искра любви к Юэ Инъяну вспыхнула вновь. Хорошо это или плохо? Он больше не мог судить.

Император смотрел на своего верного евнуха, который был с ним с пяти лет, и видел, что даже он понял: он любит Юэ Инъяна. И, судя по тому, как он себя знал, дело зашло дальше симпатии... он влюбился!

— Хорошо! Раз уж я полюбил его! Он должен осознать, что ему придётся рискнуть вместе со мной! — спустя долгое время Император глубоко вздохнул и произнёс эти слова твёрдым голосом, обращаясь к лунному небу.

Он не знал, что принять решение снова окунуться в чувства будет легче, чем он думал, а возможно, он уже давно любил, просто узнал об этом только сегодня, или же это было именно потому, что этим человеком был Юэ Инъян...

— Сяо Шуньцзы, завтра после утренней аудиенции найди способ задержать Юэ Инъяна. Я хочу посмотреть, что за чудо-женщина собирается за него замуж! Как она смеет отбирать у меня человека! — Император от ярости чуть не раздробил костяшки пальцев, развернулся и ушёл обратно в комнату, чтобы спать с Юэ Инъяном. Иначе, если он не успокоится, та женщина может не дожить до рассвета!

Оставшийся на улице Ли Цюаньшунь мог лишь составить компанию комарам и мухам.

Только что Император произнёс жуткое слово... он влюбился... в Юэ Инъяна... Император сказал «любовь»! Любовь! Это уже не просто симпатия... Лишь бы они не разнесли императорский дворец в щепки... Амитабха!

На следующее утро Юэ Инъян не явился на аудиенцию: Император среди ночи вошёл во вкус и, не обращая внимания на то, что Юэ Инъян спал без задних ног, самовольно воспользовался им... В таком состоянии как он вернётся готовиться к свадьбе? А вчера, после аудиенции, он не вернулся в поместье и забыл отправить весточку, Хун Яо, наверняка, с ума сходит, разыскивая его. Надеюсь, он не потревожил родителей.

Торопясь покинуть дворец, он был задержан министром финансов и ещё парой чиновников.

— Увидев, что генерала нет на службе, подумали, что вы готовитесь к свадьбе, а вы, оказывается, всё ещё во дворце... — трое-четверо человек начали донимать его расспросами, и Юэ Инъян едва не сбежал от них.

Когда он наконец освободился, до полудня оставалось совсем немного. Увидев приближающегося старого премьер-министра, Юэ Инъян едва не почернел от гнева.

Затем у дворцовых ворот его перехватили слуги отца, требуя, чтобы он немедленно отправил Хун Яо в дом старого генерала, чтобы завтра оттуда выдать её замуж. Когда Юэ Инъян добрался до своего поместья, уже был полдень. Выглянуло яркое солнце, но на его подавленное настроение это никак не повлияло.

У ворот уже висели красные фонари, на дверях были наклеены праздничные иероглифы, но в сердце Юэ Инъяна не было никакой радости. Напротив, казалось, что он попал в ещё более глубокую ловушку, из которой уже никогда не выбраться.

Пройдя через коридоры, ещё не дойдя до главного двора, он почувствовал неладное.

По логике, в это время в поместье должна была кипеть работа, но вокруг не было ни души, в доме стояла неестественная тишина.

Юэ Инъян нахмурился, но не остановился, направляясь в сторону главного зала.



Там атмосфера была давящей, гости и хозяева сидели, попивая чай, но человек, сидевший на почётном месте, не должен был здесь находиться.

— Господин. — Увидев вошедшего Юэ Инъяна, Хун Яо, до смерти напуганная мрачным мужчиной, сидевшим в зале, бросилась к нему как к спасению.

— Сначала уходи, — ему было жаль её: даже сановники, сидящие в зале, бледнели при виде этого человека, что уж говорить о Хун Яо.

— Не позволю! Я... я пришёл посмотреть на неё! Оставь её! — Сын Неба, сидевший на главном месте в скромном халате, не скрывал своего властного давления.

Хун Яо, уже сделавшая шаг к выходу, замерла и оглянулась на Юэ Инъяна. По правилам, невеста не должна показываться гостям до свадьбы, она вышла лишь потому, что господина долго не было дома, а встречать было некому.

— К чему издеваться над женщиной? Ты ведь пришёл не за ней, — раз уж сегодня здесь был не Император, а просто тиран, Юэ Инъяну не нужно было соблюдать этикет и мучить себя дворцовыми церемониями.

— Конечно, не за ней. Раз уж ты вчера провёл ночь у меня, к чему мне приходить сегодня? — Император взял чашку чая и невозмутимо отпил.

— Тогда ты вообще не должен был приходить! — Юэ Инъян повысил голос из-за его двусмысленного намёка. Он не должен был приходить, а раз пришёл — знал, что можно говорить, а что нет, и он отнесётся к нему с почтением; но он не должен был, отбросив статус Императора, насмехаться над ним!

— Ты женишься, как же я мог не прийти поздравить? Госпожа невестка, боюсь, я ещё не сказал поздравлений, — Император повернулся к Хун Яо с таким презрением, что это заметил бы даже слепой.

— Низкая служанка... не смеет принимать такие почести.

Хун Яо и раньше доводилось видеть знатных людей и общаться с ними, но сегодня, глядя на человека, который вроде бы вел себя предельно вежливо, она без всякой видимой причины испытывала леденящий ужас! Однако этого человека нельзя было оскорблять, да и отношения его с господином, судя по всему, были весьма близкими. Вчера господин не вернулся домой, и весь особняк вместе со всем городом сбился с ног в его поиски, а этот самый человек заявил, что прошлой ночью господин был у него... Если они не друзья, не враги ли они часом?

— А я-то думал, что за чудо о трех головах и шести руках передо мной! А оказывается, всего лишь дешёвка из борделя!

Император поставил на стол пиалу с чаем, которую ему только что поднесла Хун Яо, но якобы не удержал ее — пиала с громким звоном рухнула на пол, разлетевшись на тысячи осколков, усыпавших весь настил.

От звука разбивающейся пиалы Хун Яо вздрогнула всем телом. Слова этого человека разили, словно острые ножи, полосую ее сердце в самых уязвимых местах!

— Ваш... Ваша светлость, прошу вас уйти, — лицо Юэ Инъяна потемнело от гнева. Он заслонил собой Хун Яо, у которой уже беззвучно катились по щекам слезы, даже не подозревая, что в глазах Императора этот жест лишь подлил масла в огонь. С какой стати этот человек явился в его особняк за день до свадьбы, чтобы унижать его невесту! Даже если в постели он был послушен, как собака, это еще не значит, что в собственном доме он не имеет права оставаться человеком!

— И что в ней такого хорошего? Умеет угождать тебе в постели? — Император сузил глаза, с угрозой глядя на разыгрывающих драму Юэ Инъяна и Хун Яо.

— Прошу вас уйти! — Юэ Инъян массировал раскалывающиеся от боли виски, но не мог сказать ничего другого. Он и так был достаточно несчастен, так неужели Император должен сделать несчастной еще и Хун Яо?

— Боишься, что люди узнают, на какой шлюхе ты женишься? Боишься, что все равно женишься! — Император поднялся с места, подошел к Юэ Инъяну и заглянул ему прямо в глаза. Что хорошего в этой бабе, которая умеет лишь прятаться за чужой спиной и плакать! И ради нее он дерзнул перечить ему!

— Ваша светлость, зачем вы сегодня вообще пожаловали сюда? Что бы вы ни приказали, Юэ Инъян непременно исполнит.

Неужели обязательно доводить его до самого предела? Разве осталось хоть что-то из того, чего тот хотел и чего он еще не отдал? Зачем же загонять его в угол, лишая последнего пути отступления, ломать и сводить с ума? Какая от этого может быть польза?

— Хорошо, ты сам это сказал. Завтрашнюю свадьбу отменить! — Император с улыбкой посмотрел на Юэ Инъяна. Разве не лучше было прийти к такому пониманию раньше? Тогда ему не пришлось бы бросаться столь резкими словами. Разумеется, этой женщине больше нельзя оставаться рядом с ним!